

УДК 94(470.5)«18»

DOI 10.37724/RSU.2020.67.2.001

В. Я. Мауль, О. Г. Рыбакова

Искатели Беловодья о женщинах (путешествие уральских казаков на исходе XIX столетия) *

В статье исследуется актуальная историографическая проблема роли женщин в истории. Цель статьи заключается в рассмотрении особенностей бытового, социального и религиозного положения женщин на исходе XIX столетия, как они представлялись мужчинам — носителям традиционного патриархального сознания. Источниками для научного анализа являются недостаточно изученные в исторической науке дневниковые записи двух уральских казаков-старообрядцев Г. Т. Хохлова и В. Д. Максимычева, которые они вели в 1898 году во время своего путешествия в поисках Беловодского царства. Именно для изучения беловодской темы эти материалы обычно привлекались историками, но их эвристическое значение намного шире зафиксированных там особенностей утопического мышления самих авторов и их единомышленников. В дневниках отразились непосредственные впечатления обычных уральских староверов, знакомившихся с непривычным им культурным обиходом многих чужеземных стран и народов, в том числе с различными сторонами жизнедеятельности иностранных и российских женщин. Показано, что поведенческая активность женщин, как правило, оказывалась за пределами внимания авторов дневников. Редкие же случаи упоминания о женщинах были связаны с несуразными и неестественными ситуациями, запечатленными на страницах казачьих травелогов. Обычно в рамках доминирующего маскулинного сознания им давались уничижительные оценки. В статье приводятся конкретные доказательства, иллюстрирующие дискриминированную феминность как типовой маркер гендерной позиции российских сторонников древнего благочестия, живших в эпоху, когда современный им мир все более активно ставил в повестку дня вопрос женского равноправия.

гендерная история; путешествие в Беловодское царство; путевые дневники; мужское восприятие женщин; уральские казаки; старообрядцы; Г. Т. Хохлов; В. Д. Максимычев

* Мауль В. Я., Рыбакова О. Г. Искатели Беловодья о женщинах (путешествие уральских казаков на исходе XIX столетия) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 7–15. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.67.2.001>

в разное время внесли оба автора, пишущие данные строки [Мауль, 2012 ; Рыбакова, 2013 ; Мауль, 2018]. Однако эвристическая неисчерпаемость темы открывает перед учеными перманентную возможность поиска оригинальных познавательных ракурсов, забытых героев или неизвестных сюжетов для создания новых работ о феномене женщин в истории. Опыт подобного рода предпринимается в данной статье, написанной на основе материалов, которые долгое время оставались практически не востребованными исторической наукой и лишь недавно вновь привлекли внимание специалистов.

Несмотря на многочисленность гендерных публикаций, историческая феминология в различных ее проекциях все еще остается недостаточно исследованной областью научного знания. Свою небольшую лепту в решение этой актуальной проблемы В 1898 году, как можно узнать из рассматриваемых нами материалов, приверженцы старой веры, отставные уральские казаки О. В. Барышников, В. Д. Максимищев и Г. Т. Хохлов, по поручению единоверцев, «желающих снабдиться древней хиротонией священства», совершили почти что кругосветное путешествие в поисках загадочного Беловодского царства, в котором «народы цветут христианским благочестием от проповеди Фомы апостола» и где «народы русские имеют до 40 церквей с полным духовенством и на сирском языке народы имеют множество церквей и патриарха» [Хохлов, 1903, с. 13]. Маршрут незаурядной казачьей одиссеи пролегал из Одессы через Турцию, Кипр, Палестину, Египет. Пройдя Суэцким каналом в Красное море и далее в Индийский океан, путешественники обогнули Индостан и Индокитай, побывали в Японии. Объехав с 22 мая по 24 октября полмира и нигде не обнаружив заветной земли, через Дальний Восток и Сибирь они вернулись домой. Как справедливо было замечено, в свое время это событие «всколыхнуло разве что Уральское казачье войско», и, скорее всего, кануло бы в туну, «не узнай о нем тогда известный русский писатель Владимир Галактионович Короленко» [Щербанов, 2009, с. 273], сделавший его достоянием гласности, главным образом своими очерками «У казаков» [Короленко, 2018].

Источниками для написания нашей статьи являются дневниковые путевые записи двух участников той необычной экспедиции. «Путешествие уральских казаков в “Беловодское царство”» жителя Кирсановского поселка Григория Терентьевича Хохлова впервые было опубликовано Русским географическим обществом в 1903 году при содействии В. Г. Короленко, написавшего к нему развернутое предисловие. А перу урядника Рубеженской станицы Вонифатия Даниловича Максимищева принадлежат гораздо менее известные «Путешествия уральских казаков вокруг света», печатавшиеся в двенадцати номерах провинциальной газеты «Уральский листок» за 1898–1899 годы, а чуть позже опубликованные в виде небольшой брошюры. Оба произведения мгновенно стали библиографической редкостью, но, несмотря на повышенный читательский спрос, были переизданы только в начале XXI века: первое — отдельной книгой в 2003 году в издательстве «Уральская библиотека» (г. Уральск) к 100-летию его появления на свет, второе — в литературно-художественном и общественно-политическом альманахе «Гостиный двор» (г. Оренбург) в 2009 году. С «Путешествием...» В. Д. Максимищева не сумели познакомиться ни В. Г. Короленко, ни большинство других ученых, а «Путешествия» Г. Т. Хохлова, помимо сказанного, четверть века назад были опубликованы на французском языке [Khokhlov, 1996].

Поднятая в них тема народных социально-утопических легенд о Беловодье с давних пор занимала видное место в исторической науке, притом что обстоятельные свидетельства самих искателей олицетворенного сакрального идеала встречаются сравнительно редко. Не удивительно, что после затянувшейся паузы на основе известных ранее источников ряд историков опять обратились к специальному изучению важного историко-культурного явления. Иначе говоря, магистральный для казачьих записок беловодский сюжет нашел на страницах научных сочинений частичное отражение, однако следует признать, что приложенные историографические усилия оказались достаточно скромными и не вышли за рамки старообрядческой проблематики [Чистов, 2003; Криничная, 2004; Бубнов. Подложные ставленные грамоты... ; Бубнов. Путешествие уральских казаков... ; Данилко, 2016 ; Данилко, 2018].

Между тем информативный потенциал обоих дневников позволяет увидеть в них высокосодержательную сокровищницу сведений о многих других приметных эпизодах пятимесячного вояжа. Каждый из таковых вызывал живой отклик у рядовых казаков. Цивилизационное разнообразие посещенных стран и народов, переворачивая устоявшиеся стереотипы сознания, неизбежно актуализировало базовую культурную оппозицию «своих»/«чужих» и через вдумчивое коллективное сопоставление родных и заморских достопримечательностей обогащало мировоззренческий кругозор. В частности, речь идет о непривычной для обитателей уральских станиц пестроте гендерных отношений (мужчины/женщины), знакомство с которыми обычно вызывало амбивалентную реакцию апологетов древнего православия в связи с тем, что «у них» многое было не так, как «у нас» или как должно быть. Справедливости ради заметим, что поскольку такие сообщения на страницах казачьих травелогов немногочисленны, тем больший научный вес они должны приобретать в глазах исследователей и тем более иллюстративными можно считать эти будто бы нарочитые умолчания. Как правило, авторы — убежденные старообрядцы, обращали внимание на женщин только тогда, когда те, по их мнению, попадали в

неловкое, неудобное и даже несуразное положение. Во всех остальных случаях они не удостоивались выраженной аксиологической рефлексии со стороны уральских казаков, рассматривавших культурный колорит неведомого чужеземного мира сквозь доминанту имманентного им патриархально-традиционалистского восприятия.

Иногда запечатленные дневниками маскулинные реакции на слабый пол имеют характер лапидарных безоценочных суждений. Так, еще в начале беловодского пути, находясь в Константинополе, В. Д. Максимычев на манер профессиональных этнографов, зафиксировал: «Каждая народность отделяется одна от другой, но очень трудно распознать грека от турка. У них — как между мужчинами, так и женщинами — одежда одинакова» [Максимычев, 2009, с. 289]. Похожими наблюдениями, но уже про женщин из Нагасаки, поделился Г. Т. Хохлов, отметивший, что они, подобно японским мужчинам, «небольшого роста, замечательно убранные гладко головы, ничем не покрытые, на ногах носят такие же сандалии» [Хохлов, 1903, с. 93]. Чуть раньше подчеркивалась пассивная общественная роль китайок даже во время буддийских праздников. В Китае по самым значимым поводам (Новый год, дни солнцестояний, праздник Дракона) обычно устраивают «на реках гонки в особых узких лодках», но при этом «масса женщин и детей», не принимая в азартных состязаниях активного участия, всего лишь «усеивает берега рек» в роли праздных зрителей [Максимычев, 2009, с. 319]. Осведомленность о конкретных гендерных нюансах доказывает, что представительницы прекрасной половины человечества все-таки попадались нашим путникам на глаза, но, в силу воздействия врожденных социокультурных установок, они не сочли их заслуживающими сколь-нибудь пространных регулярных упоминаний.

Аналогично сказанному выше, не очень показательны в гендерном плане еще несколько примечательных происшествий, свидетелями коих искатели Беловодья периодически оказывались на протяжении своего маршрута. К таковым, например, можно отнести день рождения одной из величайших женщин планеты — английской королевы Виктории. Картину его празднования уральцы наблюдали неподалеку от древнего города Смирны. Там они «встретили английскую эскадру, которая была расставлена через весь залив, соблюдая интервал между броненосцами в 150 шагов, и которая обращала на себя невольное, смешанное со страхом внимание». Будучи поборниками трезвого образа жизни, казаки-староверы недоумевали, почему англичане — «народ белый, много рыжих», в честь своей легендарной владычицы «пили без меры вино», к тому же делали это весьма не эстетично, «за неимением стаканов или рюмок — прямо из горлышка» [Максимычев, 2009, с. 296]. В то же время, как следует из дневниковых записей, их авторы не только хорошо разбирались в именах иностранных коронованных особ, но и свободно ориентировались в более или менее давних событиях российской истории: Сан-Стефанский «славный мир» [Хохлов, 1903, с. 31] или женское лицо войны двенадцатого года не были для них пустым звуком. Так, рассказывая о трудностях плавания от Благовещенска до Сретенска на пароходе «Бурлак», построенном «при царе Горохе», В. Д. Максимычев не без иронии констатировал: «Машинист пьяный, помощник — с похмелья. Топор, которым нужно было обтесывать кулачи, американской работы и добыт еще в 1812 году, когда французы в Москву входили. Топор французам помогал, да со взводом французских солдат к Василисе старостихе и попал. За эту деятельность его и сослали в Сибирь» [Максимычев, 2009, с. 327]. Здесь имеется в виду Василиса Кожина — знаменитая предводительница одного из крестьянских партизанских отрядов в 1812 году. Пароход же «Бурлак», вопреки утверждению автора записок, был построен в 1895 году, а не «при царе Горохе».

Однако чаще всего с позиций априорного мужского превосходства тем или иным женщинам давались уничижительные характеристики, которых удостоивались не одни заморские красавицы, но и наши соотечественницы, в частности амурские казачки, с чьим хозяйственным укладом уральские пилигримы мимолетно соприкоснулись, возвращаясь на родину. Беглого взгляда им хватило для вынесения безапелляционного приговора, что те, словно «кровожадные звери», к тому же «грубы и не расположены к посторонним, как будто сердясь за что-то на весь свет». Нескрываемым осуждением пропитано описание яркой сцены в одной из станиц, когда при забое скотины «сбежалось несколько женщин с ведрами и ковшами и не дали резаку хорошенько перехватить горло животному», а затем «бросились собирать льющуюся кровь со всем сором, толкая друг друга и чуть не вступая в драку». Подспудно подразумевая, что мужчины, в чем твердо убежден В. Д. Максимычев, не допустили бы подобного безобразия и предположил лишь одно возможное объяснение неприятному зрелищу: «Отчего это — не знаю, — писал он. — Или они почти голодны?» [Максимычев, 2009, с. 324].

Обидой на ненасытную женскую алчность наполнен небольшой сюжет о поисках места для ночлега в Благовещенске. Неожиданно для себя путники столкнулись с отсутствием в городе свободных гостиничных номеров, что, очевидно, и вызвало дороговизну на рынке съемного жилья. В результате содержательница одного из таких домов запросила с них несуразно высокую цену в 2 рубля 50 копеек за тесную каморку, «в которой одна половина была занята и перегорожена японской ширмой. Свободного места (оставалось) квадратная сажень, на которой стоял маленький стол и один стул». Тем не менее при отсутствии других более приемлемых вариантов пришлось принять разорительные условия и поселиться «в этой комнате, в ожидании попутного парохода» [Хохлов, 1903, с. 97]. Но насколько можно понять, явленное им свидетельство неистребимой женской любви к золотому тельцу надолго запало в мужские души.

О волнующей всех мужчин теме недолгой женской верности выпал повод призадуматься в забайкальском Сретенске, где в доме купца И. Е. Шустова произошла встреча с бывшим земляком Г. П. Рашковым из Кирсановской станицы Уральского казачьего войска, который за совершенное давным-давно преступление был сослан «на 12 лет в каторгу и отработал свой срок в Усть-Каре». И теперь, естественно, горел желанием узнать от неожиданных гостей о судьбе близких родственников: отца, матери, а главное — жены и детей. Тут, правда, Г. Т. Хохлову пришлось несколько покривить перед истиной: «Слышал я, что отец ваш и мать померли, а жену и дочь вашу не знаю, — ответил я, — так как живем мы в разных поселках». Свою ложь во спасение он объяснил нежеланием травмировать и без того растревоженные чувства несчастного страдальца: «Я незнанием ответил потому, что после его ссылки жена вскоре же вышла замуж за казака Антона Чва» [Хохлов, 1903, с. 105–106].

Под матримониальные беседы в памяти невольно всплывала зафиксированная в обоих травелогах история, случившаяся во время пребывания в греческих Салониках. Когда после насыщенного событиями дня путники уже легли было «спать, покончив ужин, послышалось несколько поющих голосов, пелись духовные стихи на греческом наречии. Нас заинтересовало, что за служба в гостинице, и мы пошли узнать. Придя на голоса в столовую, мы увидели: вокруг стола стоит в облачении священник со всем своим причтом, и меж них стоят молодые люди — кавалер и дама, у которых над головами поддерживают венцы, вокруг множество публики» [Максимычев, 2009, с. 294]. Представившаяся картина глубоко потрясла уральцев абсолютным несоответствием христианским канонам, ибо обряд венчания совершался в неподобающем месте и в неподобающее время, «на второй неделе Петрова поста, да к тому же в субботу на воскресение». Однако знакомый монах Герасим постарался развеять возникшие сомнения разъяснением, что «каждая страна имеет свой обычай» [Хохлов, 1903, с. 35–36]. В отличие от других народов, у них «на правила святых отцов не смотрят, и что хотят, то и разрешают» [Максимычев, 2009, с. 295], а потому, дескать, «в Греции обычай имеют венчать везде и во всякое время, и в гостиницах, в поле и даже без ведома отца и матери, только по согласию жениха и невесты» [Хохлов, 1903, с. 35–36]. Впрочем, едва ли подобные прагматично-рациональные истолкования могли удовлетворить старообрядцев, видевших смысл самой веры именно в точном и буквальном следовании священным обрядам.

С подобным нарушением религиозных догматов путешественникам пришлось еще раз столкнуться при посещении кипрского города Ларнака. От афонских монахов они знали, что здесь в одном из храмов «сохраняется драгоценная древность — образ Пресвятой Богородицы с Предвечным младенцем на руках, писанный рукою святого евангелиста Луки, а также гроб святого Лазаря» [Максимычев, 2009, с. 297–298]. Невзирая на непогоду и сильное волнение на море, их неодолимо потянуло в монастырь увидеть редчайшую по древности святыню. Отмахнувшись от беспокойства О. В. Барышникова и капитана корабля, Г. Т. Хохлов с В. Д. Максимычевым «перекрестили себя крестным знаменем и в ответ сказали: «Пусть будет над нами воля Божия, пусть поглотят нас морские волны и вода послужит нам гробом, а дно моря могилой, но, не выдавши древнего написания образа Божией Матери с Предвечным, — не воротимся» [Хохлов, 1903, с. 41]. Преодолев на шлюпке «с четырьмя гребцами и пятым рулевым» сопротивление морской стихии, они достигли цели, а уж там их «мрачные думы... рассеялись и в душе просияла радость. Мы плакали от радости и сознания, что Господь не оставил труды наши без внимания и уподобил нас увидеть образ Матери своей, Пресвятой нашей Богородицы в истинно-древнем начертании. Мгновения, которые мы провели перед святой иконой, заставили нас позабыть те пять тысяч верст, которые отделяли нас от родины, и были для нас дороже золота». Но охватившая богомольцев душевная благодать оказалась неполной. Их экзальтированные чувства запольхали настоящим праведным гневом при виде двух женщин-гречанок, вопреки каноническим запретам, спокойно

стоявших в алтаре у гробницы святого Лазаря, ибо то «было нечестием перед святыней». «Как копьём ударило нас!», — поделился тогдашними неприятными ощущениями В. Д. Максимычев. Потому-то посмотрели «мы немного, отдали должную часть и отошли, как будто чем обижены» [Максимычев, 2009, с. 299].

Мысли о распавшемся браке своего собрата — станичника, невольно навевали воспоминания о собственных семьях, оставленных на родине ради служения общественным интересам. Перед глазами путников вставала горькая картина прощания, когда «при плаче родных, при вопле жен, при сильных рыданиях детей» они на поезде из Уральска отправлялись в дальнюю дорогу [Максимычев, 2009, с. 282]. По законам ассоциативного мышления тут мог бы прийти на ум рассказ о судьбе султанских вдов, заточенных в бывшем дворце древних греческих царей, услышанный в далеком Константинополе на берегу бухты Золотой Рог. Тамошний местный житель поведал слушателям, что в соответствии с магометанским обычаем «каждый год султан по одной девице берет за себя. В течение своей жизни иной наберет их несколько десятков, а придет время, султан помрет. Вот эти-то жены и запираются в Константинов дворец безвыходно, под строгим наблюдением караула, как преступницы». Предполагая, в том числе молодость и нерастратченную репродуктивную силу царственных узниц, Г. Т. Хохлов заочно выразил им кажущееся сочувствие: «Скучно же и тоскливо положение ихней жизни, сказал я. Иная останется 16–17 лет и должна проводить всю жизнь в мрачных угнетениях». Однако, по мнению рассказчика, не бывает худа без добра, некоторым из них все-таки «случается и осчастливиться», когда «за великие услуги какого-нибудь генерала иногда награждает их султан своими женами» [Хохлов, 1903, с. 26]. Но мужчины не были бы самими собой, если, вопреки, казалось бы, естественному сострадательному течению мысли, не закончили разговор в духе полного мужского шовинизма, обменявшись скабрёзными репликами в адрес невольниц: «А дарит-то, я думаю, которая самому мерзит! — сказал я. — Не иначе так, как русские говорят: что самому не гоже, то тебе Боже» [Хохлов, 1903, с. 26–27].

Не менее пикантными деталями насыщена дневниковая запись про некую келейницу, встреченную уральцами на пароходе на отрезке пути от Яффы до Александрии. Вместо того чтобы «посещением святых и чудесных мест облегчить бремя прежде содеянных грехов», она, на взгляд Г. Т. Хохлова, повела себя крайне недостойно и «смutilа» одного монаха, «который с младых лет посвятил себя на эту жизнь». Поддавшись чарам прелестницы и впервые ощутив себя мужчиной, тот «вознамерился попать данный перед Богом вечный обет, согласился с келейницей ехать в Россию и там на ней жениться». Занятые исключительно своими пылкими чувствами, они «во весь путь» на корабле «усердно один за другим ухаживали», не обращая внимания на язвительное женское шушуканье и фривольные насмешки матросов, не упускавших возможности при каждом удобном случае бросить колкую остроту: «Сестра Мария, теперь ты осветилась монашеским к тебе подвигом!». А монаху: «Брат Иван, или жениться вздумал? Время!» Ставя духовное неизмеримо выше плотского, автор заметки, конечно, не мог одобрить взаимной тяги влюбленных послушников, тем паче что оба, казалось, были предназначены к службе Господу, а потому надеялся, что по возвращению заблудших душ в Одессу брат потерявшего голову юноши (тоже монах) сможет расстроить кощунственные планы и отговорить своего родственника «от недоброй мысли» [Хохлов, 1903, с. 57].

Однако чем ближе было завершение экспедиции, тем больше пережитые приключения растворялись в туманной дымке воспоминаний, актуально вытесняясь расстроеными чувствами по поводу главной цели путешествия. Как выразился В. Д. Максимычев, проехав полмира и не найдя искомого Беловодья, «добрые молодцы повесили свои головы, как переспелые огурцы. Ревность наша охладела, охота исчезла, ослабел дух бодрости, не стало надежды». Не видя за собой вины, паломники в то же время не могли не переживать о последствиях неудачных поисков легендарной страны: «Станут ежедневно приходиться общественники, которые с нетерпением ожидают нас, и ничего от нас не узнают, как не узнали мы», и вместо благодарности за хлопоты придется выслушивать «неприятные замечания, которые им надоело слышать во время путешествия от разных дикарей» [Максимычев, 2009, с. 321]. И все-таки сам факт приближения к родным пенатам способствовал перемене минорных настроений на мажорный лад. На каждом шагу казаки сталкивались со все более привычной картиной повседневной жизни, пробегавшей перед их взором за окном поезда, где и пейзажи были роднее, да и женщины казались милее. По словам В. Д. Максимычева, из Красноярска они «отправились в час ночи на Челябинск, ехали значительно быстрее. На каждой станции было множество деревенских баб, продававших разную провизию: жареных поросят, гусей, уток, пирожки, пышки, яйца, соленые огурцы и т. п. по самой сходной

цене». Редким примером скупой мужской признательности женской заботы звучат слова о полученной возможности наконец-то вкусить «нормальную» русскую пищу: «Тут только и занятие пошло в вагонах, что пьют и едят да высматривают на следующей станции, нет ли чего послаще да подешевле» [Максимычев, 2009, с. 333]. Путешествие по территории России, хотя и на значительное расстояние, но в знакомом культурном пространстве, не нуждалось в развернутых комментариях, да и событий, просившихся взяться за перо, становилось заметно меньше. К тому же за предыдущие пять месяцев изнурительного пути уральцы изрядно пресытились гендерными и прочими нетипичными впечатлениями. Поэтому теперь ограничивались простым перечислением маршрутных станций, звучавших как мерный отсчет дней, оставшихся до дома, где, по словам В. Д. Максимычева, «более всех ожидали меня и час-то вспоминали обо мне, где пролили обо мне много слез и более всех стояли перед Творцом с теплой за меня молитвой» [Максимычев, 2009, с. 336].

В свое время, считая наивностью веру уральских казаков-старообрядцев в реальность Беловодья, первый исследователь их «религиозно-ученой экспедиции» В. Г. Короленко акцентировал внимание на том, что она готовилась как раз тогда, когда «в центрах и на вершинах нашей культуры говорили о Нансене, о смелой попытке Андрэ проникнуть на воздушном шаре к Северному полюсу» [Короленко, 2018, с. 74]. Надо понимать — история вступала в новейший период развития с его стремительным техническим прогрессом. Но, как показала наша работа, знакомство искателей сакральной утопии с разнообразием мира отнюдь не стало для них катализатором отказа от традиционных ценностных ориентаций. Напротив, гендерная уверенность в мужском превосходстве, несмотря на то, что в общественной повестке все чаще ставился вопрос о женском равноправии, доказывает, что в эпоху культурных перемен именно базовые архаичные установки исполняли для социальных низов роль незыблемых духовных скреп.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубнов Н. Ю. Подложные ставленые грамоты «архиепископа» Аркадия Беловодского // Вестник Альянс-Архео. — 2016. — Вып. 16. — С. 80–111.
2. Бубнов Н. Ю. Путешествие уральских казаков в Беловодское царство: погоня за призраком // Петербургская библиотечная школа. — 2016. — № 4 (56). — С. 54–63.
3. Данилко Е. С. Архиепископ из загадочной страны // Родина. — 2016. — № 10. — С. 114–117.
4. Данилко Е. С. Казачья кругосветка: история путешествия трех уральских казаков в поисках загадочной страны Беловодье // Родина. — 2018. — № 8. — С. 113–116.
5. Короленко В. Г. У казаков. Из летней поездки на Урал // Казаки за Камнем. — 2018. — № 3 (13). — С. 51–82.
6. Криничная Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора. — М. : Академический Проект : Гаудеамус, 2004. — 1008 с.
7. Максимычев В. Д. Путешествия уральских казаков вокруг света // Гостиный двор. — 2009. — № 26. — С. 282–336.
8. Мауль В. Я. Емельян Пугачев и его жены (к вопросу о гендерной проблематике русского бунта) // Клио. — 2012. — № 11. — С. 99–102.
9. Мауль В. Я. Не пойду в Сибирь за мужем... (аспекты гендерной истории «Чигиринского заговора») // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : сб. ст. — Рязань : изд. Коняхин А. В. (Book Jet), 2018. — С. 476–481.
10. Рыбакова О. Г. Женщина в культуре западноевропейского средневековья (по материалам современной американской научной периодики) — Тюмень : Нефтегаз, 2013. — 116 с.
11. Хохлов Г. Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» — СПб. : Герольд, 1903. — 112 с.
12. Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — 540 с.
13. Щербанов Н. М. Казачья одиссея // Гостиный двор. — 2009. — № 26. — С. 272–281.
14. Khokhlov G. T. Le voyage de trios cosaques de l'Oural au royaume des Eaux-Blanches. — Paris : L'Inventaire, 1996. — 204 p.

Сведения об авторах

Мауль Виктор Яковлевич — доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета (филиал в г. Нижневартовске).

Сфера научных интересов: русский бунт, самозванцы, социокультурная история, методология и историография истории.

Контактная информация: электронный адрес: VYMaul@mail.ru

Рыбакова Ольга Геннадьевна — кандидат культурологии, доцент Тюменского индустриального университета (филиал в г. Нижневартовске).

Сфера научных интересов: историческая феминология, англоязычная научная периодика, гендерная культура средневековья, методология и историография гендерной истории.

Контактная информация: электронный адрес: olgryb@gmail.com

V. Ya. Maul, O. G. Rybakova

Russian Wanderers Searching for the Kingdom of Opona on Women (Wanderings of Ural Cossacks in the Late 19th Century) *

The article investigates a relevant historical issue of women's role in history. The aim of the article is to study the role of women in family life, society and religion in the late 19th century as viewed by men, bearers of the traditional patriarchal values. The article analyzes previously underinvestigated travelogues of G. T. Khokhlov and V. D. Maksimychev, Ural Old Believer Cossacks, who wrote these travelogues in 1898 during their wanderings in search of the Kingdom of Opona. The travelogues have been previously studied only in relation to the sacred kingdom, but their heuristic value is much deeper than the utopian ideas expressed by the writers of the diaries and those who shared their views. The diaries record Ural Old Believers' impressions of unknown cultures and traditions, as well as various aspects of women's lives in Russia and abroad. The article shows that the authors of the travelogues did not pay much attention to women's behavioral patterns. The rare cases when women are mentioned in the Cossacks' travelogues are associated with weird and unnatural behaviors, which were usually derided by the male writers. The article provides evidence illustrating discrimination against women as a proof of Russian Old believers' gender-related views who lived in the epoch when women's rights were gradually becoming an important and relevant issue.

gender history; travelling to the Kingdom of Opona; travelogue; men's perception of women; Ural Cossacks; Old Believers; G. G. Khokhlov; V. D. Maksimychev

REFERENCES

1. Bubnov N. Ju. Counterfeit Charters of Arkady, the Archpriest of Belovodsk. *Vestnik Al'jans-Arheo* [Alliance-Archeo Bulletin]. 2016, iss. 16, pp. 80–111. (In Russian).
2. Bubnov N. Ju. Wanderings of Ural Cossacks to the Kingdom of Opona: Following a Ghost. *Peterburgskaja bibliotchnaja shkola* [St. Petersburg Library School]. 2016, no. 4 (56), pp. 54–63. (In Russian).
3. Danilko E. S. An Archpriest from a Wonderland. *Rodina* [Motherland]. 2016, no. 10, pp. 114–117. (In Russian).
4. Danilko E. S. Cossacks Traveling around the World: The Ural Cossacks' Quest. Searching for the Kingdom of Opona. *Rodina* [Motherland]. 2018, no. 8, pp. 113–116. (In Russian).
5. Korolenko V. G. Visiting Cossacks. A Summer Trip to the Urals. *Kazaki za Kamnem* [Cossacks behind the Urals]. 2018, no. 3 (13), pp. 51–82. (In Russian).
6. Krinichnaja N. A. *Russkaja mifologija: mir obrazov fol'klora* [Russian Mythology. The World of Folklore Images]. Moscow, Academic Project Publ., Gaudeamus Publ., 2004, 1008 p. (In Russian).
7. Maksimychev V. D. Cossacks Traveling around the World. *Gostinyj dvor* [Gostiny Dvor], 2009, no. 26, pp. 282–336. (In Russian).
8. Maul' V. Ja. Yemelyan Pugachev and his Wives (Gender-Related Issues of the Russian Riot). *Klio* [Clio], 2012, no. 11, pp. 99–102. (In Russian).
9. Maul' V. Ja. I will not follow my husband to Siberia... (Some Aspect of Gender-related History of the Chigirin Conspiracy. *Evropa, Rossija, Azija: so-trudnichestvo, protivorechija, konflikty* [Europe, Russia, Asia: Cooperation, Contradiction, Conflict]. Ryazan, Konyakhin A. V. Publ., 2018, pp. 476–481. (In Russian).
10. Rybakova O. G. *Zhenshhina v kul'ture zapadnoevropejskogo sredne-vekov'ja (po materialam sovremennoj amerikanskoj nauchnoj periodiki)* [Women in Western European Medieval Culture (on the Materials of Modern American Scientific Periodical Literature)]. Tyumen, Neftegaz Publ., 2013, 116 p. (In Russian).

* Maul V. Ya., Rybakova O. G. Russian Wanderers Searching for the Kingdom of Opona on Women (Wanderings of Ural Cossacks in the Late 19th Century). *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 2 (67), pp. 7–15. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.67.2.001>

11. Hohlov G. T. *Puteshestvie ural'skih kazakov v "Belovodskoe car-stvo"* [Ural Cossacks Traveeling to the Kingdom of Opona]. St. Petersburg, Herald Publ., 1903, 112 p. (In Russian).
12. Chistov K. V. *Russkaja narodnaja utopija (genezis i funkcii soci-al'no-utopicheskikh legend)* [Russian Folk Utopia (Genesis and Functions of Social Utopias)]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2003, 540 p. (In Russian).
13. Shherbanov N. M. Cossacks' Odyssey. *Gostinyj dvor* [Gostiny Dvor]. 2009, no. 26, pp. 272–281. (In Russian).
14. Khokhlov G. T. Le voyage de trios cosaques de l'Oural au royaume des Eaux-Blanches, Paris, L'Inventaire Publ., 1996, 204 p. (In French).

Information about the authors

Maul Viktor Yakovlevich — Doctor of History, Professor at Tyumen Industrial University (Nizhnevartovsk affiliate).

Research interests: Russian riot, imposters, sociocultural history, historical methodology and historiography.
Contact information: e-mail: VYMaul@mail.ru

Rybakova Olga Gennadyevna — Candidate of Culturology, Associate Professor at Tyumen Industrial University (Nizhnevartovsk affiliate).

Research interests: historical feminology, English scientific journals, medieval gender culture, historical methodology and historiography of gender history.

Contact information: e-mail: olgryb@gmail.com

Поступила в редакцию 10.03.2020

Received 10.03.2020